

18+

Валерий Гурков

Эротика

о любви в стихах и прозе

Валерий Гурков

Эротика. о любви в стихах и прозе

«Издательские решения»

Гурков В.

Эротика. о любви в стихах и прозе / В. Гурков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748338-8

В данной книге я собрал несколько своих трудов на тему, которую многие стараются избегать. Я же сам давно вышел из возраста стеснительных мальчиков, поэтому и пишу иногда и об этом. Прожив недолгую, но уже продолжительную жизнь, понял: этой темы в основном стараются избежать те, кто о ней постоянно думает, но без этого не было бы никого из нас. Это просто одна из сторон нашей повседневной жизни. С улыбкой! Спасибо за выбор!

ISBN 978-5-44-748338-8

© Гурков В.
© Издательские решения

Содержание

В прозе	6
Одно счастье на всех	6
Обручальные кольца	8
Вайми	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Эротика
о любви в стихах и прозе
Валерий Гурков

© Валерий Гурков, 2016

ISBN 978-5-4474-8338-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В прозе

Здесь вы не увидите чего-то не обыденного, здесь собрано то, что можно опубликовать под 18+.

Одно счастье на всех

Он после многих лет нашёл её. Позвонил в дверь. Послышались шаги. Дверь открылась. В проеме двери стояла она. Всё такая же красивая, немножко располневшая и лицом и фигурой, но эта полнота шла ей на пользу, она словно делала её ещё более женственной.

„Ну и?» – повис в воздухе немой вопрос. Он, молча, отодвинув её и дверь, зашёл в квартиру. Закрыв за собой дверь. Обнял, в недоумении стоявшую перед ним, женщину, нагнулся и, подхватив её руками, поднял и понёс, не разуваясь, в комнату. Она молчала, словно не понимая, кто она, где она и она ли это вообще. Словно это был очередной сон наяву. Она не сопротивлялась, всё её женское начало давно ждало этого. Она не знала, когда это произойдёт. Знала лишь то, что это обязательно произойдёт.

Вот уже несколько лет она играла с ним в свою игру, издеваясь над ним в отместку за проявленную им минутную слабость. Она ведь сама уже однажды пригласила его к себе, но он из лишней скромности отказался и тогда в „отказ» стала играть она, чтобы дать ему понять, что нельзя отказывать женщине, когда она от счастья готова подняться в заоблачную даль. Но не одна, а вместе с ним. Она была готова тогда подарить ему самые прекрасные минуты и, вдруг, услышала отказ. Он был словно мальчишка, а не убежденный сединой мужчина. Её тогда всю трясло и от желания, и от негодования...

...Он осторожно положил её на её же диван, который она уже много лет перевозила с квартиры на квартиру. Он был ей дорог, так как только он один знал все её тайны и секреты, все её бессонные ночи, он один впитывал все её пролитые, когда то слезы. Он уже был весь пропитан ею и её запахом. Не переставая целовать её, мужчина опустился перед нею на колени, нежно глядя её лицо, волосы, руки. И всё целовал, целовал и целовал, словно боясь, что она опомнится, придёт в себя, и всё надо будет начинать заново. Но лицо её уже предательски горело, за ним вспыхнули её прекрасные ушки и шея. Да и руки. Она совсем не знала куда их деть. Словно они были лишними. Затем какая то внутренняя сила в противовес её сознанию положила руки ему на плечи, на спину. И вот эти ненужные руки сами, словно чужие, стали притягивать его к ней. Мозг ещё сопротивлялся этому, но безудержное желание быть снова наполненной его началом заглушило её сознание. Теперь всё тело подчинялось чему-то далёкому, древнему, идущему из глубины её тела и души. Импульсивная дрожь стала пробиваться через её живот, содрогая всё тело. Она в каком-то иступлённом беспамятстве стала сама целовать его, словно боясь, что он встанет и снова уйдёт, а она не успеет насладиться его внезапным приходом.

Грудь её вздымалась, стала больше, стала тесной вся её одежда и она сама стала снимать её с себя и с него. Он, поддавшись её влиянию, стал помогать ей в этом. При этом, он продолжал целовать её, не останавливаясь, словно боясь, что она вдруг передумает и холодным голосом снова произнесет: „Ну всё, уходи!». Его руки нежно и ласково сновали по её телу, иногда просто очень крепко прижимали её к себе, словно пытаясь соединить два тела в одно. Пока

не услышал: „Ты ведь меня задушишь так, дурында ты моя». После этих слов он уже не боялся ничего, его губы за сновали вслед за руками, заставляя трепетать от наслаждения всё её тело. Иногда он покусывал её, и она блаженно начинала постанывать.

Внезапно его ладонь легла ниже живота, и пальцы скользнули в её уже раскрывшееся лоно, туда, где кроме её пальцев чужих давно не было. Она с наслаждением подалась навстречу неожиданным гостям, при этом, вцепившись в его спину ногтями, и замерла. Неожданная пульсация внутри её стала, словно, выпихивать не прошеных гостей, наполнив его ладонь своим содержанием, которое забило родником и наполнило комнату природным ароматом желания. Её желания: „Вот», – словно извиняясь прошептала она, – «довёл бедную женщину». И тут же закрыв глаза, замолчала. Вместо разведчиков пальцев, он уже атаковал её своими основными силами. С каким-то неуёмным напором и страстью. Она, ещё, как не сдавшаяся крепость, продолжала заливать своим нектаром, словно смолой, его осадное орудие и выталкивать его, и выталкивать. В какой-то момент она, прогнувшись в спине, откинулась назад и потерялась в пространстве и времени. Битва двух начал продолжалась часа три, пока она уже в изнеможении не произнесла: „Всё, сдаюсь, больше не могу, пожалей меня! Только оставь его там, пожалуйста!». При этих словах она смущенно зарделась, а он содрогнулся и наполнил её своей жизненной силой. В ответ она забила новым родником. Они уже не понимали, что они делают тут, потому что были уже не здесь, а где-то там в заоблачной дали...

Через несколько минут они пришли в себя. Грудь её, на какое-то время, слегка обмякшая снова стала наполненной, упругой, словно наполнившись любовью к нему. И она подставила её его губам. Свою грудь и два маленьких, похожих на зонтики на тонкой ножке, пару лисичек или рыжиков, розовых сосочка. Они были удивительны, не как у всех женщин. Да и сама она была удивительна, не как все женщины. Вот поэтому он и любил её все эти долгие годы в своём одиночестве, не обращая внимания на остальных...

Тишину разорвал телефонный звонок. Она вздрогнула. С сожалением сошла с него и взяла трубку.

– Всё, уходи. Сейчас сын приедет. Ты же умный у меня, сам всё понимаешь, – и слёзы россыпью бриллиантов высыпали из её глаз. Но это были слёзы не горечи, а безмерного счастья. Она как девчонка с радостью смотрела в его лицо, пытаясь через его глаза заглянуть ему в душу.

– Мы ещё встретимся? – впервые за всё время произнёс он.

– Не знаю, – тихо ответила она.

– Значит, встретимся, – уверенно произнёс он.

Через семь месяцев в одном из парков Москвы можно было увидеть седого мужчину с молодым ещё лицом, сидящим на лавочке и целующим от радости и восторга выпуклый живот молодой очень красивой, стоящей напротив него, женщины. А через три года на берегу Чёрного моря эта же влюблённая пара шла вдоль набегающих на берег волн, а рядом бегала неуёмная маленькая с белокурыми кудряшками девочка, которая собирала среди песка красивые разноцветные камушки и ракушки, и при каждой удачной находке бежала к ним и показывала её, прыгая при этом то на одной, то на другой маленькой ножке, а то просто кружа словно в вальсе.

Обручальные кольца

Я уволился с работы, получив 20 окладов, компенсацию за паяк, не выплачиваемый нам вот уже много лет, и форму. Получилась сумма, на которую нельзя было ничего хорошего купить, но и потратить впустую было бы жалко. Я решил тогда выждать, инвестировав деньги в банк. Получилось тогда, что ежемесячные дивиденды от банка были больше, чем моя зарплата, поэтому, я, сидя дома, мог получать свою зарплату. Но мне нужен был спортзал для занятий, и я пошел работать в одну из школ на западе Москвы. Учительской ставки и компенсации за учебники мне хватало как раз, чтобы оплатить свою квартплату и телефон. Но меня это не парило, я получал пенсию и дивиденды из банка и плюс в моем распоряжении был всегда спортзал школы. Не знаю, сколько я бы там просидел, но в отце одного из моих учеников я узнал своего дружка по секции бокса. Через неделю я уже развозил золотые украшения в обычном пакете по 30 ювелиркам разбросанным по всей Москве.

Алексей был директором одной из ювелирок и совладельцем этого бизнеса. Я с утра развозил золото, а после обеда заезжал обычно к нему. Мы вспоминали все то, что называлось нашим детством. Раза три в неделю по вечерам устраивали корпоративы. До обеда торговли обычно не было, она начиналась где-то в обед и затухала к семи вечера, поэтому мы закрывали магазин, убирали золото в сейф и закатывали нормальный вечер.

Поработав недели две, я понял, что продавщиц постоянно гоняют по разным ювелиркам, причем порой не самым удобным для них. Я спросил об этом у Алексея, сидя за очередным виски, взятым на обед. Он улыбнулся и сказал:

– Это наше ноу хау. Валер, понимаешь, если женщина продавец, то это уже у нее в мозгу установка для нее, что надо торговать. Понял?

– Нет..., – неудолевая, произнес я.

– Да все просто, если женщина пришла сознательно торговать, то она уже в подсознании готова торговать всем, даже собой, надо просто чуток подтолкнуть ее в этом направлении, что мы и делаем, – вновь улыбнулся он.

Сейчас моден во всем мире, так называемый пикап – уговор вполне приличных девушек и женщин на секс за деньги. Вот этим и занимался Леха с другими директорами в своих магазинах. Только вместо никчемных денег было никчемное турецкое золото. Директор подводил новую продавщицу к паллете, с которой она могла выбрать любое украшение, если та не соглашалась, ее предлагали следующую паллету с более дорогостоящими украшениями, в случае отказа подводили к следующей. Отказниц не было. Затем, когда все затоваривались по полной в одной ювелирке, их отправляли в другую, к следующему директору. Чтобы продавщицам было проще принять решения, устраивались корпоративы, на которые приезжали другие директора с соседних ювелирок.

В июле 98 Лешка принял новую девочку на работу, она была призером конкурса Мисс Москва. Леха не пропускал такие мероприятия и предложил ей работу прямо там на конкурсе. В ней был какой то природный шарм и обаяние. Алексей 2 недели обхаживал ее, но все было безрезультатно. Каждый вечер ее встречал ее жених, в сентябре намечалась свадьба. На корпоративах она не пила и ни с кем из мужчин не танцевала, танцевала только не одиночные танцы, причем так здорово и непринужденно, что еще больше раззадоривала Алексея. Жених ее постоянно молчал и весь вечер всегда сидел в углу на одном из стульев. Так было на всех

вечерах. Вот уже больше двух недель Алексей ходил хмурее тучи, но в один из дней он в очень хорошем настроении подошел ко мне и спросил:

- Саныч, ты на машине?
- Да, на машине.
- Дай ключи на пару часов и побудь здесь за меня, девочек я уже предупредил.

Я отдал ему ключи. Через часа три радостный Леха и смущенная новая продавщица появились в магазине. Через час за ней зашел жених и она радостная, недалеко от магазина стала ему, что-то показывать в своей руке. Я пошел в директорскую:

- Ключи то отдай, поеду домой, – сказал уже пьяному в лом Лехе.

– Валера, ты не поверишь, – произнес он еле ворочающимся языком, – Я готов был всю паллету целиком ей отдать, а она выбрала два обручальных кольца, для себя и своего упыря, – при этих словах он смачно плюнул в угол кабинета...

Вайми

Он сидел в купе вагона скорого поезда до Таллина или бывшего Ревеля. Там раньше жил его отец со второй семьёй. Отец уже ушёл, как и его жена. Осталась только их дочь Тамара, ему родная сестра. К сестре он и ехал. В купе была ещё пара пожилых эстонцев. Когда он поздоровался с ними по-русски, они просто недовольно кивнули головами, не произнеся ни слова. Хотя родились они с ним с одной стране СССР, отлично знали русский язык, но за всю дорогу не обронят ни одного слова на русском. Ему давно был безразличен этот детский сад из обиженных взрослых. Поэтому он просто не обращал на это внимание. Эстонцы всегда не любили русских. Вернее не все, пока эстонцы молоды, всё хорошо и все хороши, но вырастая во взрослые особи, они все свои жизненные неудачи, не найдя других оппонентов, видят в русских. Но не себя же обвинять в своём скудоумии. Ещё в советские годы, когда он заходил в магазин и просил товар на русском языке, продавец отворачивалась и обращалась к следующему покупателю.

Итак, поездка испорчена. Он положил единственный свой багаж спортивную сумку под сидение, достал блокнот и стал писать. Поезд уже тронулся и набирал ход. Полуоткрытая дверь в купе открылась полностью и очаровательная блондинка, лет тридцати, улыбаясь, вошла в купе. Она поздоровалась на эстонском. Семейная пара вежливо ей ответила, расплывшись в долгой улыбке.

- Добрый вечер, – улыбнулся он ей.
- Добрый вечер, – тоже с улыбкой ответила она ему.
- До Таллина?
- Нет, выйду на остановку раньше.
- Тоже хорошо, а то я эстонский не знаю, солгал он, а по-русски тут не понимают, или делают вид, что не понимают.
- Я тоже не составлю вам компанию, устала очень, схожу, покурую и спать лягу.
- Значит, не повезло.
- Значит, не повезло, – улыбнулась девушка.

Эстонцы на чистом русском спросили проходящую мимо проводницу, где находится вагон – ресторан. Получив ответ, они пригласили новую попутчицу с собой, но она отказалась. Пара ушла.

- Меня Вайми зовут, – снова улыбнулась девушка.
- Во как, неожиданно даже для эстонки, папа столяром был?
- Дедушка назвал.
- Понятно. Барчук.
- Это фамилия?
- Нет, но меня так все зовут, раньше, когда был маленьким, приезжал летом в деревню, а там старые бабки вслед всегда говорили: «Гля, бабы, барчук малой приехал, ну копия старый барин». Я поначалу думал, что меня барсуком обзывают и тех бабок низами огородными обегал. На деревне меня так и звали Барчук иногда Москаль. Москалей много, Барчуков мало, так оно и прижилось ко мне.

- Я уже и не помню, как по-настоящему отец с мамой называли, – пошутил он.
- Хорошо, Барчук, так Барчук, можно переоденусь?

Он вышел из купе и прикрыл дверь. Через пять минут она открыла её и показав пачку с сигаретами, произнесла:

- Я курить, вы со мной?
- Не курю, но если вот стих закончу, то могу составить компанию. буквально пару минут.
- Стих? Можно посмотреть?
- Можно.
- Почерк очень красивый! Редкость для мужчины, а такой и для женщины.
- Вы бы знали, сколько меня ругали в детстве за небрежный почерк. А он сам взял

и выровнялся. Со временем.

- Характер ваш стал ровный, вот и почерк стал другим, ровным.
- Вы читайте стих, может подскажите, что в нём изменить.
- Описана давно в рассказах и стихах война.

Я рассказать могу о ней, что видел сам.

Вчера в затишье подошла девчушка к нам одна,

Сегодня во дворе лежит средь выбитых снарядом рам.

А рядом женщина лежит с большущим животом,

Да догорает возле деревянный дом.

Когда то радость в доме том жила и детский смех,

Теперь свирепствует война, пытаюсь уничтожить всё и всех, – Вайми замолчала, на глазах заблестели слёзы.

- Что-то дописать или так оставить?
- Оставь так, – вдруг перешла она на ты, – хорошие стихи, но очень грустные.
- Тогда курить?
- Тогда курить.

Они прошли мимо соседних купе и вошли в совершенно тёмный тамбур. Она прикурила сигарету. Он стал смотреть в мелькание огней за окном, проезжаемых столбов.

- Холодно тут, – произнесла девушка.
- Есть малёк, извини, старею, сам даже уже не догадался, что девушке холодно, – он снял свой полувер и укрыл её.
- А ты?
- Я привык к холоду.
- Спасибо.

Через пару минут они уже пили чай, вежливо предоставленный проводницей. Вайми держала его блокнот и читала стихи. Их было много. Она то хмурилась, то улыбалась. Её красивое, молодое лицо, словно лицо маленького ребёнка, выражало всё, что происходило в её душе от прочитанного.

- Ты давно пишешь?
- Полгода.
- Не ври, их тут столько много.
- Я за полгода написал почти четыреста стихов, сами прут, ничего поделывать не могу.
- Здорово. Я раньше тоже писала. Только я над стихом по полгода сижу, – снова озарилось её лицо.
- А я иногда по 5 – 10 в день, многие потом рву. Хотя, теперь почти не рву.
- Странно, не писал и вдруг начал писать...

– Сам удивляюсь, я стихи сам не люблю, не читать, не учить, а тут у самого попёрли. Видно в наказание за моё невежество, – в этот момент его лицо стало словно излучать невидимый свет, а глаза из зелёных вдруг стали совершенно голубыми.

– Ты просто влюбился в женщину. Я тоже стала писать, когда влюбилась.

– Влюбился. Ты славная, всё то ты знаешь. А чем занимаешься в жизни, в Москве зачем была? В гости или по делам?

– Я в командировке, от работы в наш филиал. Проверить, как они работают. Я самая молодая, вот меня и послали.

– Понятно, а чем ещё занимаешься, в свободное время?

– В гандбол играю. Состою в сборной Эстонии. Только уже старая стала, пора переходить на тренерскую работу.

– Старая?! Обалдеть! Что тогда обо мне тогда говорить, если мне скоро пятьдесят пять стукнет.

– Пятьдесят пять? Класс! Я думала лет тридцать пять, ну максимум сорок. Ты хорошо сохранился.

– Это я просто побрился, с седой бородой и усами я совсем как бабка Ёжка, или Дед Мороз!

– Что-то я курить захотела, со мной пойдёшь?

– Идём, делать то всё одно нечего. Можем в ресторан заглянуть, если есть желание.

– Нет, дома уже приготовили всего, ждут. Неудобно сытой приехать

– Тогда курить.

– Тогда курить, только снова свитер свой прихвати, в нём так уютно.

В тамбуре она снова прикурила, он накинул ей полувер. В момент, когда он укрывал её, она поцеловала его руку... Что-то из забытой молодости вспыхнуло в нём. Лет семь он, любя безумно женщину, которая любила его но отвергла потом, избегал всех остальных. А тут что-то снова нахлынуло, сорвало тормоза. Они не обращали внимания на проходящих иногда мимо них в соседний вагон пассажиров. Страсть, неуёмная страсть овладела ими обоими. Он не знал, что так повлияло на неё, ведь она знала его возраст. С другой стороны ему было не до выяснения, он просто пошёл по течению, своеобразному Гольфстриму его жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.